

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16623

EDN: SZYLJG

Об определении понятия «формула»

Б. В. Ковалев

*Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: bvkovalev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена уточнению определения понятия «формула». В исследовании проанализированы разные дефиниции, представленные в словарях нескольких языков, выделены литературоведческий, лингвостилистический и фольклорный подходы в определении формулы. Наиболее устоявшееся — определение, предложенное в «Сказителе» А. Лорда. На примерах из испанской и английской эпической поэзии обсуждается проблема понятия «группа слов» (“group of words”), фигурирующего в определении М. Пэрри и А. Лорда, а также устойчивости данной группы. В рамках уточнения термина рассмотрены три фактора, обеспечивающие связность формулы: фонетический, синтагматический и семантический. Всякое звуковое средство выполняет две функции: первичную и вторичную. Первичная функция — конститутивная. Аллитерации и ассонансы способствуют повышению связности формулы, соединяя ее элементы на уровне фонетики. Фонетическая связность восходит к религиозным, магическим истокам традиционного устного повествования. Вторичная функция — эстетическая. Формула стала средством сложения стиха, но в силу исторических причин стала не только средством. Элементы формулы характеризуются высокой степенью синтаксической связности, что в предельных случаях может приводить к лексикализации. Семантический фактор интерпретирован с позиций аналитической философии М. Блэка. Внешним фактором, ограничивающим и регулирующим отбор тех или иных «мыслей» (в терминах А. Лорда — “ideas”) и выражающих их слов в рамках формулы, является традиция. В результате было предложено уточняющее определение: формула есть связный и семантически цельный паттерн, который используется и заполняется сказителем в определенных заданных традицией метрических и тематических условиях.

Ключевые слова: формула, поэтика, терминология, функция, «Сказитель», Альберт Лорд, Макс Блэк, Милмэн Пэрри, А. Н. Веселовский, Б. Н. Путилов

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта СПбГУ GZ_F_2026: «Измеряя традицию: квантитативная диахрония в общей и лингвистической поэтике», этап 1, ID 140123808.

Для цитирования: Ковалев Б. В. Об определении понятия «формула» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 28–48. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16623. EDN: SZYLJG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16623

EDN: SZYLJG

On the Definition of “Formula”

Boris V. Kovalev

*Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: bvkovalev@yandex.ru

Abstract. This article aims to clarify the definition of the concept of “formula.” The study analyzes various definitions presented in dictionaries of several languages and explores different approaches to defining a formula, including literary, linguo-stylistic, and folkloric interpretations. The most established definition is considered to be the one proposed by A. Lord in “The Singer of Tales.” Using examples from Spanish and English epic poetry, the article discusses the problem of the “group of words” featured in the definitions by M. Parry and A. Lord, and examines its stability. In refining the term, three factors ensuring the coherence of a formula are identified: phonetic, syntagmatic, and semantic. Every sound device performs two functions: primary and secondary. The primary function is constitutive: alliteration and assonance enhance the coherence of a formula by connecting its elements at the phonetic level. Phonetic coherence traces its origins back to the religious and magical roots of traditional oral storytelling. The secondary function is aesthetic. The formula became a means of composing verse, but for historical reasons, it did not become solely a means. The elements of a formula exhibit a high degree of syntactic coherence, which in extreme cases can lead to lexicalization. The semantic factor is interpreted through the lens of M. Black’s analytical philosophy. An external factor that limits and regulates the selection of specific “ideas” (in A. Lord’s terminology) and the words expressing them within a formula is tradition. The conclusion proposes a refined definition: a formula is a coherent and semantically integral pattern that is used and filled by the singer under specific metrical and thematic conditions determined by tradition.

Keywords: formula, poetics, terminology, function, “The Singer of Tales”, Albert Lord, Max Black, Millman Parry, Alexander Veselovsky, Boris Putilov

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Saint Petersburg State University grant GZ_F_2026: “Measuring Tradition: Quantitative Diachrony in General and Linguistic Poetics”, stage 1, ID 140123808.

For citation: Kovalev B. V. On the Definition of “Formula”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 2, pp. 28–48. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16623. EDN: SZYLJG (In Russ.)

Постановка вопроса

Проблема дефиниции базовых, «опорных» терминов регулярно возникает в современной науке. Математики, физики и логики не могут дать удовлетворительного определения понятию «единица», а лингвисты — понятиям «слово», «предложение» и «текст». В области поэтики к таким базовым терминам относится «формула». Однако невозможность дать единую исчерпывающую дефиницию не означает, что эти понятия не операциональны. Напротив, они активно употребляются в продуктивных исследованиях, а множественность толкований позволяет взглянуть на проблемное поле под новым углом зрения, уточнить значение термина в зависимости от сферы его приложения и научной парадигмы или доктрины, в рамках которой работает ученый. Эта ситуация согласуется с тем, что в философии науки называется «постнеклассической научной рациональностью» — современным этапом развития науки, начавшимся в последней четверти XX в. Разумеется, это ни в коем случае не оправдывает размывания значения, однако появление строгих и цельных линий интерпретации в соответствии с методологическими, телеологическими и аксиологическими установками может иметь позитивное воздействие на развитие научной мысли.

Иными словами, «проблема» множественности дефиниций зачастую оказывается не препятствием, а возможностью для определения и уточнения дифференцирующих и интегральных признаков того или иного явления в применении к конкретной научной области. Для прояснения вопроса о «формуле» представляется необходимым разграничить два уровня: толкование формулы вообще и толкование формулы в сфере поэтики.

Аналогичную трудность отмечал В. А. Виноградов, рассуждая об определении понятия «система»: «Совершенно ясно, что система московских улиц не то же самое, что система правил уличного движения или система сигналов светофора, и на фоне последних выражение "система московских улиц" означает как раз нечто противоположное, т. е. отсутствие системы. Между тем нас несколько не удивит с лингвистической точки зрения реплика ленинградца: "Меня возмущает система московских улиц". В научном обиходе термин "система" употребляется, конечно, строже, но и здесь каждый автор обычно

оговаривает особенности этого употребления в конкретных случаях» [Виноградов: 249].

Этимологически «формула» восходит к лат. *formula*, ае 'норма, правило, устройство, схема', что, в свою очередь, первоначально является диминутивом от *forma* 'форма, вид, наружность' и 'образ, фигура'¹.

В настоящее время термин «формула» активно используется в живом языке в разных сферах. В «Большом толковом словаре русского языка» представлены четыре варианта определения формулы:

1) «Условное выражение (числами, буквами, специальными знаками) совокупности каких-либо величин, отношений, составов, элементов и т. п.»; 2) «Общее краткое определение какого-либо положения, закона, отношения и т. п., приложимое к частным случаям»; 3) «Установленный, неизменный текст чего-либо, предписываемая форма изложения, обращения и т. п.»; 4) «Разг. Краткая и точная мысль, выражение, фраза (обычно стандартная, шаблонная)»².

В Оксфордском словаре обнаруживается похожий подход:

1) “(*mathematics*) a series of letters, numbers or symbols that represent a rule or law”; 2) “(*chemistry*) letters and symbols that show the parts of a chemical compound”; 3) “a particular method of doing or achieving something”; 4) “a list of the things that something is made from, giving the amount of each substance to use”; 5) “a fixed form of words used in a particular situation”³.

Многозначность термина наблюдается и, например, в «Словаре Королевской Академии испанского языка»:

¹ Петрученко О. Латинско-русский словарь. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 262.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М.: Норинт, 2000. С. 1430 [Электронный ресурс]. URL: <https://djuv.online/file/h38T2vpZl163x?ysclid=mm1txd5wmm86735938> (02.09.2025).

³ 1) «ряд букв, цифр или символов, передающих правило или закон» (*матем.*); 2) «буквы и символы, обозначающие элементы химического соединения» (*хим.*); 3) «особый метод выполнения или достижения чего-либо»; 4) «список вещей, из которых что-либо сделано, с указанием количества каждого используемого вещества»; 5) «фиксированная фраза, используемая в конкретной ситуации» (здесь и далее перевод наш. — Б. К.) (Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/formula> (02.09.2025)).

1) “Medio práctico propuesto para resolver un asunto controvertido o ejecutar algo difícil”; 2) “Manera fija de redactar algo”; 3) “Composición de una mezcla e instrucciones para su elaboración”; 4) “Expresión concreta de una avenencia o transacción entre diversos pareceres, partidos o grupos”; 5) “*Dep.* Categoría de automóviles de competición, cuyos niveles se designan por numerales. *Gran premio de Fórmula 1*”; 6) “*Mat.* Ecuación o regla que relaciona objetos matemáticos o cantidades”; 7) “*Quím.* Combinación de símbolos químicos que expresa la composición de una molécula”⁴.

Как видим, поле применения понятия «формула» чрезвычайно широко: от химии до спорта. Однако в рамках настоящего исследования нас интересует второй, более конкретный уровень употребления термина, а именно его интерпретация филологами и лингвистами в сфере поэтики.

Нередко филологи рассматривают формулу в ее соотношении с другими терминами — «топосом» и «клише» [Васильева, Двинятин, Степанов]. Проблема разграничения этих терминов занимает исследователей и сегодня. Так, Е. А. Филонов пишет о формулах как об устойчивых единицах, «отличающихся ограниченным варьированием словесного выражения и обладающих набором семантических вариантов. Подобного рода формульность в большей мере характерна для поэзии, массовой беллетристики и публицистики — в определенном смысле ее можно рассматривать как свойство литературного дискурса» [Филонов: 210]. Когда устойчивая семантика исчезает, формула превращается в клише.

Ф. Н. Двинятин выделяет три возможные интерпретации формулы: 1) фольклорную; 2) медиевистскую; 3) романтическую и пост-романтическую. Опираясь на последнюю, он предлагает

⁴ 1) «Предлагаемое практическое средство разрешения спорного вопроса или достижения чего-либо сложного»; 2) «Устоявшийся способ записи чего-либо»; 3) «Состав смеси и инструкции по ее приготовлению»; 4) «Конкретное выражение соглашения или сделки между различными мнениями, сторонами или группами»; 5) «*Спорт.* Категория гоночных автомобилей, уровни которых обозначены числами. Гран-при Формулы-1»; 6) «*Матем.* Уравнение или правило, связывающее математические объекты или величины»; 7) «*Хим.* Сочетание химических символов, выражающее состав молекулы» (Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/fórmula?m=form> (02.09.2025)).

следующее разграничение: «Формула <...> сводима к определенному лексико-грамматическому составу, имеющему твердое ядро, представленное в наиболее частых и типичных реализациях, и (в меньшей степени) к устойчивой смысловой и/или композиционной позиции в тексте либо к набору таких позиций. Топос, во-первых, как правило, представляет собой более обширное и менее четко структурированное общее место, с бóльшим объемом лексической и грамматической периферии, с бóльшим набором возможностей для конкретных реализаций. Во-вторых, топосу присуща бóльшая, чем у формулы, концептуальность в изобразительности и выразительности» [Двнятин: 67].

Таким образом, Филонов предлагает скорее литературоведческое и риторическое толкование формулы, в то время как Двнятин — лингвостилистическое. Филонов отталкивается от контекстов — жанров и разновидностей словесности, которым свойственна формульность, фокусируется на ее функциональном применении в тексте. Двнятин же подчеркивает лексико-грамматическую специфику формулы, ее языковую природу.

При всем многообразии вариантов определений и толкований можно констатировать, что в сфере поэтики устоялось определение М. Пэрри (по классификации Ф. Н. Двнятина — фольклорное), данное еще в 1930-е гг. и получившее значительное распространение после публикации в 1960 г. монографии А. Лорда «Сказитель»: “The formula <...> may be defined as a group of words which is regularly employed under the same metrical conditions to express a given essentials idea” [Parry: 80]⁵. Безусловно, эта дефиниция сыграла решающую роль в зыбком вопросе определения формулы, поскольку позволила снять ряд вопросов и противоречий вокруг данного термина и одновременно суммировать несколько существенных характеристик понятия как такового — в чем и состоит задача всякого определения.

Б. Н. Путилов констатирует наличие ряда вопросов, связанных с уточнением понятия «формула». Отмечая, что «до Пэрри никто определения формулы не давал», Путилов подчеркивает, что в фольклористике широко употреблялось «понятие

⁵ Формула есть «группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли» [Лорд: 42]. См. также: [Lord: 4].

формулы как художественного стереотипа (клише), в котором закрепляются и обобщаются различные элементы поэтического изображения, описания, нарратива и т. д.» [Путилов: 334]. Нельзя не отметить некоторую недостаточность, одномерность подобного подхода, при котором остается неясным критерий выделения формулы, границы и факторы, ее обуславливающие. Именно Пэрри и затем Лорду удалось дать определение, сочетающее фундаментальные признаки: «Они нашли очень удачное определение для того качества формулы, которое, собственно, признавалось всеми, — "выражение данной существенной идеи" <...>, но зато подчеркнули в качестве едва ли не главного признака ее связь с "метрическими условиями", т. е. предложили рассматривать формулу как важнейший элемент динамики живого эпического повествования» [Путилов: 334].

Другой пример: С. М. Боура использует термин «формула» применительно к повторам как целых эпизодов, так и отдельных словосочетаний: "A formula is a set of words which is used, with little or no change, whenever the situation with which it deals occurs. It may thus be very short like the familiar combinations of nouns and adjectives which occur in most heroic poetry; it may be a single line, or it may be a set of lines up to a dozen or so in number"⁶ [Bowra: 222], что порождает нежелательную омонимию, негативно сказывающуюся на точности определения.

Вариантов и уточнений, появляющихся вокруг понятия «формула», множество, однако уже более полувека в сфере поэтики доминирует определение, сформулированное в монографии «Сказитель». Именно в ней освещаются два основополагающих фактора, которые А. Лорд резюмирует следующим образом: «...формула рождена от союза мысли и песенного стиха. Если мысль, хотя бы теоретически, и может быть ничем не ограниченной, то стих накладывает свои ограничения (в разных культурах различные по степени строгости), которые определяют форму мысли» [Лорд: 44].

⁶ «Формула — это набор слов, который используется практически без изменений всякий раз, когда возникает ситуация, которую она описывает. Так, она может быть очень короткой, как привычные сочетания существительных и прилагательных, встречающиеся в большинстве героических стихотворений; она может состоять из одной строки или из набора строк, насчитывающего до десятка или около того».

И все же общепринятое определение оставляет пространство для уточнения. На наш взгляд, проблемными являются два вопроса: что следует понимать под *группой слов* (англ. “group of words”), составляющей формулу, и являются ли метрические условия единственным конститутивным признаком формулы? Иными словами, необходимо прояснить факторы, которые обуславливают существование формулы. Важно понять, от чего зависит формула как на уровне структуры, так и на уровне внешних обстоятельств, существенно влияющих на сам процесс ее образования. Для этого в первую очередь необходимо ответить на вопрос, что есть *группа слов*, представляющих формулу.

К вопросу о «группе слов»

В самом общем смысле под *группой слов* понимается совокупность автономных элементов (поскольку слово, по определению, автономно), выбор которых может быть случайным. Однако никакая случайная группа слов не может составить формулу. Даже если принять как данность, что единственным фактором образования формулы является метрическая система, то и тогда случайно подобранные слова не могут объединяться в формулы — «отбором» здесь руководит метрика. Как пишет А. Лорд, «стих накладывает свои ограничения <...>, которые определяют форму мысли» [Лорд: 44]. В этом смысле понятие формулы созвучно определению системы как организованной структуры.

В то же время организованность не означает некой predeterminedности или фиксированности. Ю. А. Клейнер подчеркивает: “This is concordant with the main idea of *Singer of Tales*: the principal incompatibility of orality and fixity. Fixity is excluded because the number of possible substitutions on the basis of each formula is unlimited, at least theoretically. It should be stressed that coinciding textual stretches of any length in several performances (“verbatim repeats”) do not violate the non-fixity principle”⁷ [Kleiner: 110].

⁷ «Главная мысль “Сказителя” — принципиальная несовместимость устного исполнения и фиксированности. Фиксированность исключается, поскольку количество возможных подстановок на основе каждой формулы не ограничено, по крайней мере теоретически. Следует подчеркнуть, что

Несомненно, есть некий базис, паттерн, лежащий в основе формулы и наделяющий ее фундаментальными признаками, позволяющими отличить формулу от случайной группы слов. Этот паттерн может наполняться «разными мыслями», но ограничен формальными метрическими факторами. А. Лорд замечает: «Основой для создания отдельных стихов является исходная модель формулы. Есть основания утверждать, что конкретная формула вообще имеет значение для сказителя лишь до тех пор, пока ее основной шаблон не укоренится в его сознании. С этого момента сказитель все меньше и меньше полагается на усвоение новых формул и все больше — на подстановку новых слов в формульные схемы» [Лорд: 50]. «Формульные схемы», укоренившиеся в сознании сказителя, выступают средством ограничения случайного выбора слов. Говорить о двух крайностях — фиксированности и случайности — не приходится; имеет место разнообразие, которое при этом регулируется факторами, организующими формулу. В таком случае под организованной структурой мы подразумеваем фундаментальную связность формулы на внутреннем уровне.

Таким образом, широкое понимание «группы слов» как случайного набора элементов к формуле принципиально неприменимо. Формула характеризуется некой связностью (и при этом нефиксированностью). Следовательно, отбор слов, образующих формулу, должен осуществляться в соответствии с критериями ее связности и не противоречить глубинному паттерну, исходной модели, которая отделяется от конкретных слов и может использоваться сказителем как средство порождения новых вариантов в рамках формульной схемы.

Отсюда проистекают вопросы по поводу связности формулы. Что ее обеспечивает? Можно ли выделить эти критерии? Является ли метрическая система единственным фактором связности? Что еще может регулировать подбор тех или иных слов в формуле? Ведь если группа слов должна быть чем-то скреплена, то необходимо выяснить, при помощи каких лингвистических средств обуславливается связность и цельность формулы на внутреннем уровне.

совпадающие текстовые отрезки любой длины в нескольких исполнениях ("дословные повторы") не нарушают принципа нефиксированности».

На наш взгляд, есть три основных фактора, обеспечивающих уровень связности любой поэтической формулы и соответствующих основным лингвистическим уровням.

Фонетический фактор

Первый фактор — фонетический. Несомненно, в условиях устного исполнения особое значение приобретает звучание фраз. С одной стороны, слова в формуле не должны противоречить метрике, должны сохранять интонационную и просодическую целостность. С другой стороны, фонетически удачно подобранное слово может служить прекрасным средством выразительности. Вот несколько примеров: Н. Ю. Гвоздецкая иллюстрирует «семантическую роль вариации в метрико-синтаксической организации текста» отрывком из «Беовульфа»:

“...byrnan hringdon,
 guðsearo gumena;
 garas stodon,
 sæmanna searo
 samod ætgædere,
 æscholt ufangræg” [Гвоздецкая: 39].

Возможно, что и аллитерация в данном случае приобретает особое значение: см. также “**guðmod grimmon. Guman**” (306), “**breat bolgenmod beodgeneatas**” (1713)⁸. Можно предположить, что здесь мы наблюдаем влияние (связанное с формальной стороной) повествователя на текст, о котором размышляли многие — среди них аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес, который в 1950–1960-е гг. активно занимался изучением средневековой литературы Севера, древнегерманскими литературами [Brljak], [Lavender]. Борхес отрицал эстетическую ценность формул, но отмечал их единство (говоря, что «божественный Патрокл», «незыблемая земля», «винноцветное море», «однокопытные кони» являются чрезвычайно устойчивыми, нераздельными сочетаниями, которые остаются таковыми и по сей день в испанском языке) и высокую степень связности: «Никакой эстетической цели здесь определено нет. Я с нерешительностью

⁸ Здесь и далее выделения полужирным отдельных символов наши. — Б. К.

высказываю эти предположения; единственное, в чем я уверен, — это невозможность отделить то, что принадлежит писателю, от того, что принадлежит языку. Читая Агустина Морето (если мы по какой-то причине решили читать Агустина Морето):

"Чем же заняты они
каждый божий день?"

мы знаем, что божественность этого дня возникла по воле испанского языка, а не писателя. В случае с Гомером мы, напротив, никак не можем вычленить его особую интонацию⁹.

Разумеется, это точка зрения Борхеса, убежденного, что поэт стремится приблизиться к древнейшей магии, заложенной в языке, и может лишь отбирать и комбинировать варианты, данные ему в языке. Однако при обсуждении эстетической стороны формулы нельзя не отметить сходство позиций Борхеса и Лорда. Последний пишет: «Весьма вероятно, что эпос не мог достичь этих последних этапов, пока формула не стала средством сложения стиха, однако ее прошлое так и не позволило ей стать только средством. Ее символика, ее звучание, ее структуры рождены были для магического воздействия, а не для эстетического удовлетворения. Если со временем формулы и стали источником такого удовлетворения, то лишь для тех поколений, которые забыли их подлинное значение. Прежде чем стать "артистом", поэт был чародеем и провидцем. Структуры его поэзии не были отвлеченным искусством для искусства. Истоки традиционного устного повествования — не художественные, а религиозные в самом широком смысле этого слова» [Лорд: 83]. Эстетическая функция отступает на второй план. Говоря об «особой интонации» сказителя и невозможности выделить индивидуальное авторское начало в эпической поэзии, приходится констатировать неоднозначность этого вопроса. Например, в «Беовульфе» мы можем уловить присутствие рассказчика. Дж. Найлз рассматривает его как “an accomplished poet who brought an inherited form to a fine stage of fulfillment”¹⁰ [Niles: 151].

⁹ Борхес Х. Л. Всемирная библиотека. Non-Fiction. Избранное. СПб.: Азбука, 2023. С. 85.

¹⁰ «Совершенного поэта, который довел унаследованную форму до прекрасной стадии исполнения».

Думается, что аллитерации и другие звуковые явления, повышающие степень связности текста и способствующие его украшению (что вторично), указывают не только на влияние автора, но и на инвариантную связность формулы как таковой. Наличие каких бы то ни было признаков влияния фигуры сказителя на текст не столь важно: для нас принципиален сам факт наличия ряда звуковых сочетаний в эпосе той или иной традиции.

Обратимся к другому примеру. В классическом испанском романсе «О моем Сиде» также появляются аллитерации и анафоры:

“Día era de los Reyes,
día era señalado,
cuando dueñas y doncellas
al rey piden aguinaldo”¹¹.

Между тем нельзя не отметить, что испанскому эпосу аллитерационность и анафоричность присущи в значительно меньшей степени, чем древнеанглийскому [Menéndez Pidal]. При этом мы не можем говорить, что аллитерационность и особая звуковая плотность присущи только германскому или древнеанглийскому эпосу, поскольку таковы особенности этой конкретной традиции. Германский эпос характеризуется весьма высокой степенью насыщенности подобного рода звуковых явлений. Однако, сопоставив аллитерационно ориентированный эпос с испанским, где, как не раз отмечалось, роль аналогичных элементов гораздо менее значительна, мы видим, что фонетическая сочетаемость слов (реализованная через аллитерации и ассонансы) является типологически общей для разных традиций. Это видно и на примере испанской поэзии. Поскольку «в песне нет ничего, что не было бы формульным» [Лорд: 61], можно утверждать, что фонетическая связность является неизменным критерием формулы как таковой.

¹¹ «Это был день Богоявления / Когда каждая женщина / Молит царя о подарке» (Romancero Selecto del Cid. Barcelona: Biblioteca “Arte y letras”, 1884. P. 24 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/57648/57648-h/57648-h.htm> (02.09.2025)).

Итак, мы приходим к следующим промежуточным умозаключениям. В эпических текстах зачастую обнаруживаются звуковые средства выразительности (анафоры, аллитерации, ассонансы и т. п.). При этом их возникновение не зависит ни от специфики традиции, которой принадлежит текст, ни от влияния сказителя. Наличие подобного рода явлений универсально для эпической поэзии. Всякое звуковое средство выполняет две функции: первичную и вторичную. Первичная функция — конститутивная. Аллитерации и ассонансы способствуют повышению связности формулы, соединяя ее элементы на фонетическом уровне. Эта фонетическая связность восходит к религиозным, магическим истокам традиционного устного повествования. Вторичная функция — эстетическая. Формула стала средством сложения стиха, но в силу исторических причин стала не только средством. Безусловно, певец должен «уметь "украшать" песню, придавая повествованию полноту и размах», но границы его «авторских» нововведений обусловлены мастерством тех, кому «певец подражает» [Лорд: 36, 37], и — шире — традицией, которой он принадлежит.

Синтагматический фактор

Формула, состоящая из нескольких элементов, может характеризоваться высоким уровнем синтагматической связности. Этот фактор сопряжен с метрикой, но его отголоски можно найти даже в нынешнем литературном языке. Наивысшее проявление подобного рода явления — переход формулы с уровня синтаксиса на уровень морфологии. В качестве иллюстрации подойдет следующая модель: *black board* — *blackboard*. Она также обнаруживается во фразеологизмах (напр., ‘Иван, родства не помнящий’), в прозвищах фольклорных персонажей, исторических лиц (*англ.* ‘John Barleycorn’¹², ‘Richard the Lionheart’¹³, ‘Jenny Greenteeth’¹⁴, ‘Jack-in-Irons’¹⁵), а также в табуированных именах определенных персонажей (‘Сам-Знаешь-Кто’). Слова,

¹² *рус.* ‘Джон Ячменное Зерно’.

¹³ *рус.* ‘Ричард Львиное Сердце’.

¹⁴ *рус.* ‘Дженни Зеленые Зубы’.

¹⁵ *рус.* ‘Джек-в-цепях’.

образующие некую формулу, оказываются столь неразрывно связанными, что со временем могут стать одним словом.

Табуирование имени по религиозным или социальным причинам — уникальное явление, свойственное как ближневосточно-западноевропейской, иудео-христианской («Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7)), так и дальневосточной традиции: например, как показывает В. Дашеева, «имена женщин Средневекового Китая могли использоваться исключительно в пределах женской половины дома и никогда не "выносились" за его стены» [Дашеева: 54]. Процесс табуирования имен отражен и в мезоамериканском эпосе: «...во время битвы с владыками Шибальбы (аналога христианского ада) братья Хун-Апху и Шбаланке заставляют москита жалить владык, чтобы те называли свои имена, тем самым выдавая себя и лишаясь силы» [Ковалев, Пугач: 29].

Как видим, этот фактор находится на стыке морфологии и синтаксиса и в своих крайних проявлениях напрямую связан со словосложением. Однако, характеризуя его, мы считаем необходимым ограничиться наименованием «синтагматический», поскольку, как и указывалось выше, сращение нескольких элементов формулы в один происходит отнюдь не всегда. Речь идет о тенденции, которая прослеживается главным образом в случаях с различными номинациями. Экстраполировать эту тенденцию на весь эпический текст было бы неправильным: как известно, «в песне нет ничего, что не было бы формульным», и если бы мы взялись за экстраполяцию, то нам пришлось бы утверждать, что всякая эпическая песнь тяготеет к тому, чтобы стать одним огромным словом¹⁶. Несомненно, это не так. Бесспорно и то, что элементы формулы тесно связаны друг с другом, и случаи сращивания, которые мы рассмотрели, свидетельствуют о том, что эта связь может перетекать в полноценное слияние независимых слов. Весьма вероятно, что дополнительным

¹⁶ В этом случае нельзя не вспомнить о том, что в силу особенностей орфографии и организации текста древнерусский эпос представлял собой именно одно длинное слово — отсюда и «Слово о полку Игореве». Однако это направление мысли уводит нас в сторону от насущной проблемы и потому должно остаться только в качестве невынужденной лингвистической шутки, а не повода для серьезного исследования.

звуковым фактором такого слияния выступает и мелодизм, однако это предположение требует отдельного рассмотрения на конкретных эмпирических примерах с использованием средств и наблюдений современной прикладной фонетики.

Семантический фактор

Третий фактор можно было бы назвать семантическим, однако он связан, в первую очередь, с механизмом работы метафоры. Мы будем опираться на интеракционную теорию Макса Блэка.

И семантика, и теория метафоры представляют для лингвистов и литературоведов особую проблему. Трудности описания семантического уровня языка не раз становились предметом изучения (см., напр., подробные рассуждения на эту тему: [Касевич]). Ее исследование невозможно без обращения к аппарату логики, философии — не собственно лингвистических областей, которые тем не менее занимаются языковой проблематикой. К определению метафоры также существует большое количество подходов, многие из которых отражены в знаменитом сборнике «Теория метафоры» под редакцией Н. Д. Арутюновой. На наш взгляд, в свете дискуссии о формуле наиболее продуктивным будет обращение к аппарату аналитической философии — области, сочетающей логико-философский аспект с пристальным вниманием к языку.

Формулы могут вводить в повествование некоторые элементы и явления, которые вне контекста, возможно, покажутся инородными и алогичными. Однако они появляются потому, что того требует тема или даже сама формула. Здесь имеет место импликация «Если X, то Y», которая, с точки зрения М. Блэка, и лежит в основе метафоры. Блэк выделяет у каждой метафоры два элемента: главный (X) (англ. “principal”) и вспомогательный (Y) (англ. “subsidiary”) [Блэк: 167]. Главный выступает в роли субъекта, вспомогательный — в роли предиката. Используя термины Блэка, можно сказать, что семантически главным субъектом является определенная тема¹⁷ (например,

¹⁷ Здесь и далее мы целиком и полностью соотносим наше употребление термина «тема» с предложенным А. Лордом определением понятия «тема»: «Повторяющиеся эпизоды и описания в песнях называются темами» [Лорд: 14].

смерть в немецкой поэзии), а вспомогательным оказывается обязательно упоминаемый в данном случае ворон. Модель такова: если ведется повествование о смерти, то следует упомянуть ворона. Применительно, например, к испанскому эпосу можно ввести следующую модель: если в повествовании появляется прекрасная девушка, то неизбежно упоминание цветка (как правило, розы или лилии).

Именно такой механизм вполне можно применить к описанию взаимообусловленности конкретной темы певца с определенным контекстом. А. Лорд формулирует функционирование этого процесса так: «Каждая тема, большая или малая, — можно даже сказать, каждая формула — окружена ореолом значений, собранных из всех контекстов, в которых она ранее оказывалась. Это значение, которым наделила ее традиция, находящаяся в состоянии активного бытования. Для каждого поэта в каждый данный момент времени значение темы включает все случаи, когда он ее использовал, и прежде всего те контексты, в которых она используется чаще всего. Оно включает также все те случаи, когда он слушал, как эту тему используют другие певцы, особенно те, кого он слушал в юности, или талантливые сказители, которые произвели на него сильное впечатление в последующие годы» [Лорд: 167].

Блэк подчеркивает: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система "ассоциируемых импликаций", связанных со вспомогательным субъектом». В данном случае, на наш взгляд, справедливо соотносить термин Блэка «ассоциируемые импликация» с термином Лорда «ореол значений». Не менее важно и то, что «эти субъекты зачастую выгоднее рассматривать как "системы" (systems of things), чем как глобальные объекты» [Блэк: 167]. Именно этим объясняется вариативность при выборе вспомогательного субъекта (в этом случае нет никакой предустановленности [Kleiner: 108]) и вытекающая из этого нефиксированность мыслей и слов.

В формульной схеме могут использоваться разные слова и образы, т. е. вспомогательные субъекты в формуле, однако их использование мотивировано традицией, которой принадлежит певец или рассказчик. В этом случае можно говорить

о роли коллективного субъекта (термин А. Н. Веселовского)¹⁸, который играет решающую роль в выборе слов для выражения понятия. Именно традиция оказывается неким внешним фактором, ограничивающим и регулирующим отбор «мыслей» (воспользуемся этим обозначением Лорда) и выражающих их слов в рамках формулы.

Заключение

Рассмотрев три фактора, обеспечивающих внутреннюю связность формулы, мы можем ответить на поставленные вопросы.

1. «Группа слов», составляющая формулу, не является случайным набором элементов. «Подбор» слов осуществляется в силу определенных регулирующих обстоятельств таким образом, чтобы между элементами формулы образовывалась связь на фонетическом, синтагматическом и семантическом уровнях.

2. Главным регулирующим формулу обстоятельством в неавторских, фольклорных текстах является традиция. Именно она определяет связность формулы. У традиции есть три канала воздействия на структуру формулы: метрический, ассоциативно-семантический и эстетический (певец «украшает» свою песню теми и только теми способами, какие позволяет ему использовать традиция). При этом важно подчеркнуть, что традиция выполняет свою регуляторную функцию не только на уровне метрики, чем уточняет и расширяет определение, данное М. Пэрри и А. Лордом.

Формула, состоящая из нескольких слов, характеризуется особой связностью на внутреннем уровне. Последний, метафорический фактор (относящийся к семантическому уровню) может показаться наиболее слабым, но, на наш взгляд, это неверная точка зрения, потому что глубинные невербальные паттерны в долгосрочной перспективе гораздо более устойчивы,

---

¹⁸ «Показателем ее (группы. — Б. К.) настроения становится какой-нибудь личный поэт; поэт рождается, но материалы и настроение его поэзии приготовила группа. В этом смысле можно сказать, что петраркизм древнее Петрарки. Личный поэт, лирик или эпик, всегда групповой, разница в степени и содержании бытовой эволюции, выделившей его группу» [Веселовский: 215].

чем такие формальные, внешние признаки связности, как звучание и синтагматика.

Важно подчеркнуть, что эта структура не является фиксированной. Формула равноудалена от крайних точек — фиксированности и случайности; имеет место разнообразие, которое при этом регулируется факторами, организующими формулу. А. Лорд писал, что мысль теоретически ничем не ограничена, а стих накладывает ограничения, которые определяют ее форму. Это положение необходимо уточнить: мысль и образы, которые использует сказитель, также ограничены традицией на трех уровнях: метрическом, ассоциативно-семантическом и эстетическом. Именно традиция оказывается тройственным регулирующим фактором, который обеспечивает цельность формулы и «неслучайность» образующих ее элементов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что формула — это не случайный набор слов, а связный и семантически цельный языковой паттерн, который заполняется и используется сказителем в определенных заданных традицией метрических и тематических условиях.

Список литературы

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: [сб.] / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; [авт. примеч. М. А. Кронгауз]. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
2. Васильева И. Э., Двинягин Ф. Н., Степанов А. Д. Два вида топосов // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. Т. 13. С. 161–171. EDN: CVBBAZ
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / [вступ. ст. И. К. Горского; коммент. В. В. Мочаловой]. М.: Высш. шк., 1989. 405 с. (Сер.: Классика лит. науки.)
4. Виноградов В. А. Всегда ли система системна? // Система и уровни языка: сб. / отв. ред. д-р филол. наук Э. А. Макаев; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1969. С. 249–259.
5. Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии: проблемы поэтической номинации. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1995. 152 с.
6. Дашеева В. В. Явление табуизации в некоторых традиционных антропонимиконах восточных народов // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015. № 8. С. 54–59 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23832515_36428658.pdf (02.09.2025). DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-54-59. EDN: UBNRZX

7. Двинятин Ф. Н. Формула или топос? // Мир русского слова. 2019. № 2. С. 66–70 [Электронный ресурс]. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2019-2.pdf> (02.09.2025). DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12066. EDN: ZZUDJС
8. Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. 304 с.
9. Ковалев Б. В., Пугач В. Е. Функциональный аспект нулевого имени в рассказах В. В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 25–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://vv.vpspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/12/VFV-МАКЕТ-%E2%84%964-2020-V-РЕСНАТ-25-33.pdf> (02.09.2025). DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-25-33. EDN: UNKKZJ
10. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН, 1994. 368 с. (Сер.: Исследования по фольклору и мифологии Востока.)
11. Путилов Б. Н. Послесловие // Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН, 1994. С. 323–342. (Сер.: Исследования по фольклору и мифологии Востока.)
12. Фионов Е. А. «Бытие как книга»: топос — формула — клише (к проблеме топики Нового времени) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 2. С. 196–216 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43805857_74111764.pdf (02.09.2025). DOI: 10.21638/spbu09.2020.203. EDN: FFCEPV
13. Bowra C. M. Heroic Poetry. London: Macmillan and Company Limited, 1952. 589 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/heroicpoetry030625mbp/mode/2up> (02.09.2025).
14. Brljak V. Borges and the North // Studies in Medievalism. 2011. Vol. 20. P. 99–128 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.borges.pitt.edu/sites/default/files/pdfs/brljak%202011%20borges%20and%20the%20north.pdf> (02.09.2025). DOI: 10.1017/9781846159527.008
15. Kleiner Yu. A. The Formula: Morphology and Syntax // John Miles Foley's World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theories / ed. by Mark C. Amodio. Leeds: ARC Humanities Press, 2020. P. 107–122.
16. Lavender P. “La Bofetada”, Serkland and the Encyclopedia Britannica: Borges Notes on Old Norse Literature // Variaciones Borges. 2021. No. 52. P. 33–50.
17. Lord A. B. The Singer of Tales. New York: Harvard University Press, 1971. 304 p.
18. Menéndez Pidal R. El romancero español. New York: The Hispanic Society of America, 1910. 134 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/romanceroespanol027597mbp/page/n11/mode/2up> (02.09.2025).
19. Niles J. D. Beowulf: the Poem and Its Tradition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 310 p.
20. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I: Homer and Homeric Style // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, London: Harvard University Press, 1930. Vol. 41. P. 73–147 [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.30000099676698&seq=1> (02.09.2025).

References

1. Black M. The Metaphore. In: *Teoriya metafory: sbornik [The Theory of Metaphore: Collection]*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 153–172. (In Russ.)
2. Vasil'eva I. E., Dvinyatin F. N., Stepanov A. D. Two Kinds of Topos. In: *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 2020, vol. 13, pp. 161–171. EDN: CVBBAZ (In Russ.)
3. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 405 p. (Ser.: Classics of Literary Science.) (In Russ.)
4. Vinogradov V. A. Is a System Always Systemic? In: *Sistema i urovni yazyka: sbornik [System and Levels of Language: Collection]*. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 249–259. (In Russ.)
5. Gvozdet'skaya N. Yu. *Yazyk i stil' drevneangliyskoy poezii: problemy poeticheskoy nominatsii [Language and Style of Old English Poetry: Problems of Poetic Nomination]*. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 1995. 152 p. (In Russ.)
6. Dasheeva V. V. The Phenomenon of Taboization in Some Traditional Anthroponymicons of Eastern Peoples. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Buryat State University]*, 2015, no. 8, pp. 54–59. Available at: https://elibrary.ru/download/library_23832515_36428658.pdf (accessed on September 2, 2025). DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-54-59. EDN: UBNRZX (In Russ.)
7. Dvinyatin F. N. Formula or Topos? In: *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, 2019, no. 2, pp. 66–70. Available at: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2019-2.pdf> (accessed on September 2, 2025). DOI: 10.24411/1811-1629-2019-12066. EDN: ZZUDJC (In Russ.)
8. Kasevich V. B. *Problemy semantiki [The Problems of Semantics]*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2019. 304 p. (In Russ.)
9. Kovalev B. V., Pugach V. E. The Functional Aspect of the Zero Name in the Short Stories by Vladimir Nabokov. In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik [Verkhnevolzhski Philological Bulletin]*, 2020, no. 4 (23), pp. 25–33. Available at: <https://vv.yyspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/12/VFV-MAKET-%E2%84%964-2020-V-PECHAT-25-33.pdf> (accessed on September 2, 2025). DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-25-33. EDN: UNKKZJ (In Russ.)
10. Lord A. B. *Skazitel' [Narrator]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1994. 368 p. (Ser.: Researches on Folklore and Mythology of the East.) (In Russ.)
11. Putilov B. N. Afterword. In: *Lord A. B. Skazitel' [Lord A. B. Narrator]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1994, pp. 323–342. (Ser.: Researches on Folklore and Mythology of the East.) (In Russ.)
12. Filonov E. A. “Being as a Book”: Topos — Formula — Cliché (to the Topoi of Modernity). In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 196–216. Available at: https://elibrary.ru/download/library_43805857_74111764.pdf (accessed on September 2, 2025). DOI: 10.21638/spbu09.2020.203. EDN: FFCEPV (In Russ.)

13. Bowra C. M. *Heroic Poetry*. London, Macmillan and Company Limited Publ., 1952. 589 p. Available at: <https://archive.org/details/heroicpoetry030625mbp/mode/2up> (accessed on September 2, 2025). (In English)
14. Brljak V. Borges and the North. In: *Studies in Medievalism*, 2011, vol. 20, pp. 99–128. Available at: <https://www.borges.pitt.edu/sites/default/files/pdfs/brljak%202011%20borges%20and%20the%20north.pdf> (accessed on September 2, 2025). DOI: 10.1017/9781846159527.008 (In English)
15. Kleiner Yu. A. The Formula: Morphology and Syntax. In: *John Miles Foley's World of Oralities: Text, Tradition, and Contemporary Oral Theories*. Leeds, ARC Humanities Press Publ., 2020, pp. 107–122. (In English)
16. Lavender P. “La Bofetada”, Serkland and the Encyclopedia Britannica: Borges Notes on Old Norse Literature. In: *Variaciones Borges*, 2021, no. 52, pp. 33–50. (In English)
17. Lord A. B. *The Singer of Tales*. New York, Harvard University Press Publ., 1971. 304 p. (In English)
18. Menéndez Pidal R. *El romancero español [The Spanish Ballads]*. New York, The Hispanic Society of America Publ., 1910. 134 p. Available at: <https://archive.org/details/romanceroespanol027597mbp/page/n11/mode/2up> (accessed on September 2, 2025). (In Spanish)
19. Niles J. D. *Beowulf: the Poem and Its Tradition*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press Publ., 1983. 310 p. (In English)
20. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I: Homer and Homeric Style. In: *Harvard Studies in Classical Philology*. Cambridge, London, Harvard University Press Publ., 1930, vol. 41, pp. 73–147. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.30000099676698&seq=1> (accessed on September 2, 2025). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалев Борис Вадимович, ассистент кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб., 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>; e-mail: bvkovalév@yandex.ru.

Boris V. Kovalev, Assistant of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (Universitetskaya nab. 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>; e-mail: bvkovalév@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.11.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.01.2026

Принята к публикации / Accepted 20.01.2026

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026